

УДК 130.3

СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ МЕХАНИЗМОВ БЕССОЗНАТЕЛЬНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ИНДИВИДА

С.А. Маленко

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород

E-mail: olenia@mail.ru

Рассматриваются два ведущих бессознательных механизма социализации индивида (вытеснение и сублимация), сформировавшиеся на протяжении всей цивилизации как истории становления власти. Они, первоначально обнаруженные и первично исследованные в психоанализе, позволяют выявить наличие искусственной, виртуальной части человеческой психики, которая при определенном характере властного воздействия производит программируемые иллюзии по поводу социального и природного пребывания человека в пространстве насилия.

Ключевые слова:

Имагинация, вытеснение, сублимация, бессознательная социализация, социальное взаимодействие, архетип, власть, социальный институт.

Key words:

Imagination, replacement, sublimation, unconscious socialisation, social interaction, an archetype, the power, social institute.

Традиционные психоаналитические исследования бессознательного позволили выявить два разнонаправленных механизма (вытеснения/сублимации), связанных с особенностями протекания душевной жизни человека. Они, по мысли З. Фрейда и представителей классического психоанализа [1–8], характеризуют особенности диалектики сознания и бессознательного, включенных в тот или иной социальный контекст. Ученые совершенно закономерно утверждали, что именно социальный фон и сформированные на этом основании сверхиндивидуальные моральные установки играют ведущую роль в процессах социализации бессознательного.

Структура психики человека по З. Фрейду является скорее описанием принципов, которые составляют саму материю бессознательной социализации индивидов [2]. Формируясь таким образом, они, с одной стороны, подтверждают значимость идеи социализации как ведущего инструмента производства социально-адаптированного человека, а с другой стороны, и сам психоанализ, как и его более поздние реминисценции, выступают ни чем иным, как идеологизированной формой научного знания, активно пропагандирующей наиболее востребованную властью модель социального управления индивидами. Поэтому далеко не случайно основные психоаналитические идеи, как и их носители, с самого начала были под пристальным вниманием власти, особенно в условиях, практически повсеместной тоталитаризации социального пространства Европы в период между двумя мировыми войнами.

Каким образом связаны между собой закономерности психической жизни и преходящие конъюнктурные сценарии реализации управленческой воли? Ведь самого Фрейда нельзя обвинить в том, что он каким-либо образом, явно или опосредованно, сотрудничал с государственной машиной. Скорее, он полностью соответствует образу кабинетного ученого-экспериментатора, увлеченно погружающегося в таинственные и неведомые миры

человеческой души. Однако затянувшаяся почти на столетие далеко не рядовая институциональная востребованность психоаналитических идей, в том числе и современной властью, наталкивает на ряд размышлений, связанных с попытками определения значения психоанализа в целом для становления современной модели цивилизации.

Точку зрения классического психоанализа на принцип вытеснения сформулировал один из первых учеников З. Фрейда В. Штекель. По его мнению оно «представляет собой процесс отстранения от сознания и удержания вне его психических содержаний, несовместимых с социальными, этическими и эстетическими требованиями, возникающими у человека в процессе воспитания» [9. С. 107]. В то же время, другим основным принципом реализации бессознательного является сублимация, которую Анна Фрейд характеризовала как «переключение энергии с социально и культурно неприемлемых целей и объектов на социально и культурно приемлемые» [9. С. 659].

Оба указанных принципа, несмотря на свои видимые различия, позволяют представить феномены, происходящие из одного основания и своим бессознательным существованием придающие ему онтологическую примордиальность. Думается, что основатель психоанализа не возражал бы против такого заключения о вытеснении и сублимации: поскольку они представляют собой ведущие сценарии осуществления бессознательных порывов, а потому выступают «априорными формами» бытия душевных движений живого организма [1]. В то же время, то неявное основание, которое обуславливает механизм взаимодействия сознания и бессознательного, напрямую связано с господствующими социальными условиями, определяющими возможность неосознанного, институционального становления человеческой души. Потому, в данном смысле, первичными будут являться не закономерности индивидуального характера,

а формирующие социальные отношения всеобщие коммуникативные парадигмы. И то, что было признано З. Фрейдом в качестве первичных принципов диалектики бессознательного, является ни чем иным, как закономерным результатом тщательной адаптации человека к господствующим социально-знаковым условиям, и, соответственно, именно указанные принципы выступают вторичными по отношению к цивилизации как сложившейся модели насилия.

Будучи последовательными в своих рассуждениях, мы не можем забывать и о том, что человек, являясь выдающимся достижением природы, соответственно, обладает как минимум той же способностью к изменению, как иные живые организмы. Это свидетельствует в том числе и о том, что он в равной степени может и изменяться в условиях развивающегося мира, и самому изменять этот мир, а значит, и производить вторичные способы приспособления (имагинирования) к той реальности, которую он непосредственно создал. А поскольку культура изначально «полагала» дистанцирование человека от своего внутреннего, во многом еще «животного» мира, в качестве своего будущего цивилизационного фундамента, то и «материей» социальной, бессознательной по сути своей, адаптации становится не столько телесность человека и его загадочная душа, сколько сами механизмы бессознательного полагания и его формирующаяся социальная топология.

Табуирование естественности в границах уже первобытных сообществ бессознательно ориентирует индивидов на формирование «страховочного» «двойного дна» фактически еще не ставшей человеческой души в виде совокупности адекватных моделей поведения [3]. Они стимулируются, с одной стороны, постоянно возгоняемыми переживаниями по поводу, казалось бы, неминуемой утраты имажинативной целостности организма и среды его осуществления (традиционно сопровождающимися страхом, страданием, болью и т. д.). С другой стороны, это переживания по поводу возможности возвращения в «рай» изначального единства человека и родового пространства его жизни (они обычно ассоциируются с радостью, счастьем, свободой, общностью и т. д.).

При этом, обещание подобного единства становится действенным манипулятивным крючком лишь в том случае, когда оно, будучи уже номинальным, требует для своего воплощения экстремального героизма и искупительных жертв, сиюминутное достижение которых для индивида опять-таки связано со страданиями, страхом, лишениями и болью. Таким образом, индивид уже в рамках ранних социальных сообществ вынужден, скорее бессознательно, адаптироваться к тем условиям, в которых протекало зарождение и становление института власти. Изучение же зрелых неосознанных форм этого процесса позволяет констатировать наличие определенных механизмов социальной адаптации индивида, которые вслед-

ствие указанных факторов приобретают неестественный по отношению к организму характер.

Но, будучи подвижным и исполненным витальности, человек приспосабливается и к этим условиям. А поскольку подобная адаптация протекает преимущественно бессознательно, сам процесс социализации выступает аналогом природной эволюции, обусловленной диалектикой изменчивости и наследственности. В итоге, тщательному социализационному отбору подвергается лишь тот круг человеческих способностей, которые позволяют индивиду не входить в конфликт со средой, в которой протекает его социальное взаимодействие. Так, со временем, власть и ее пространство полностью подменяют собой родовую среду архетипического осуществления человека, да и природу в целом. В результате этой подмены естественное, в лучшем случае, становится «неестественным», а искусственное занимает место «усредненного», бытийственного.

Возвращаясь к анализу принципов, характеризующих процессы бессознательного вытеснения и сублимации, следует отметить, что оба они позволяют определить тотальную социальную ангажированность как бессознательного, так и «сознательного» поведения человека. Вытеснение является способом экзистенциального «бегства» от социального принуждения в альтернативный любому дисциплинарному пространству подлинный мир бушующих страстей, «обнуляющим» дегуманизированный опыт цивилизации как таковой. Именно поэтому каждый обыватель, несмотря на свою видимую лояльность власти, является рецессивным носителем социально-деструктивного жизненного порыва, существом потенциально опасным для Системы насилия, которая сформировалась в результате институализации человека в проявлениях своей деятельности и сознания. Именно поэтому индивидуальная деструктивность, таким образом, является результатом «взаимодействия различных социальных условий и экзистенциальных потребностей человека» [4. С. 190]. Но само вытеснение, тем не менее, является действенным социальным механизмом в борьбе за «правильное» мышление и конформное, без-образное ролевое поведение и, соответственно, представляет один из наличных сценариев бессознательного социально-адаптированного функционирования цивилизованных индивидов.

В противоположность вытеснению, сублимация как неосознаваемый принцип стереотипизируется в моделях социального «творчества», обусловленного бессознательным поиском со стороны ряда индивидов социально приемлемых форм для оприходования наиболее востребованных, бессознательных сторон своей души. При этом реализации подлежат лишь те бессознательные содержания и в той форме, которые предполагают инновационные способы управления индивидом. Соответственно, «творчеством» может называться лишь то, что так или иначе связано с укоренением и последующим укреплением властной вертикали в неокрепших душах каждого социализируемого индивида, а социальный за-

каз на те или иные виды «творчества» представляет собой отрефлексируемый властью способ институционально-топологического метастазирования природы как архетипического пространства бытия и сознания. Таким образом, социально-апробированные, санкционированные и востребованные формы деятельности и являются каноническими образцами «сознания» и «поведения».

В совокупности принципы вытеснения и сублимации формируют две основные модели индивидов, в ходе производства которых власть стратифицирует подчиненное ей социальное пространство на «сублимирующую» элиту и «вытесняющую» массу. Первая становится надежным «кадровым резервом» власти и потому ей вменена в обязанность деятельность по производству и адаптации социальных стереотипов и норм. Вторая же — изначально лишенная «кормушки» социального заказа — обречена влачить жалкое существование в пространстве вытесненных властью и элитой социальных нормативов. В итоге, оба эти механизма оказываются далеко не обыденными спутниками бессознательного социального взаимодействия индивидов, а выступают ведущими способами конструирования и воспроизводства всей иррациональной социальной системы.

Рассмотренные выше принципы, в ходе становления цивилизации, позволяют сформировать некую, первоначально аморфную и перманентно нестабильную социально-психическую среду, которая искусственно формируется как в душе каждого отдельного обывателя, так и в пространстве их социального взаимодействия в целом. Она затем постоянно «эмулируется» (Термин, предложенный С.А. Маленко и А.Г. Некитой, для характеристики управленческих процессов, связанных с необходимостью перманентной актуализации институционального группового и индивидуального взаимодействия в силу того, что оно имеет склонность к постепенному «затуханию», а местами и полной аннигиляции [10. С. 174]) социальными институтами, указывая самому индивиду социально-значимые формы его бессознательной реализации, а социальной системе на наиболее адекватные и экономичные формы ее институализации, тем самым, доводя стратегию ее расширенного воспроизводства до логического завершения, что замыкает сферу социальной бессознательности.

Таким образом, у индивидов принудительно формируется некоторая неестественная, а потому виртуальная область человеческой души, существование которой возможно исключительно лишь при условии ее постоянной институционально-ролевой актуализации. Сама социальная система, постоянно воспроизводя указанные сценарии, обречена лишь увеличивать долю «осаждаемой» нею бессознательности в общем массиве способов социального взаимодействия, которые она пытается модерировать. В то же время, сформированное властью виртуальное пространство вытесненного/сублимированного психического подлежит социальной институализации как непереносимое усло-

вие формирования и поддержания виртуальности всей системы в целом.

Именно эта виртуальная часть психики со временем превращается в пространство, аккумулирующее в себе наиболее значимые социально-институциональные способы актуализации индивидуальной и групповой бессознательной коммуникации. Они, к тому же, выступают и аналогами природных моделей образования внешнего и внутреннего витального взаимодействия организма, изначально и довольно успешно обходившегося без каких бы то ни было социальных имаго-посредников. Эта искусственная, и фактически отторгнутая от индивида, среда структурно воспроизводит саму социальную иерархию, задавая базовые принципы ее институциональной, бессознательной топологии, формируемой из принудительно отторгнутых частей индивидуальных человеческих душ, и приобретающей доминирующий по отношению к ней статус.

Эти разрозненные душевные фрагменты с легкостью могут быть «растворены» нахлынувшим потоком бессознательного, являющегося, в данном случае, и «сценаристом», и «режиссером-постановщиком» творческого, хотя и бессознательного, становления сознания. Такой процесс всегда более действенен любых индивидуальных или социальных актов, так или иначе противоположных естественным способам имажинирования витальности. Вследствие того, что угроза аннигиляции социальных моделей взаимодействия всегда чрезвычайно актуальна, необходимы дополнительные психические средства для поддержания их институционального статуса. И надо отдать должное, что власть не особо долго задумывалась над поиском таких источников.

Такие средства были «изысканы» достаточно давно, еще на заре становления цивилизации. Причем, оказалось, что наиболее легко возгоняемыми из бессознательных индивидуальных и коллективных психических сред являются мотивы, связанные с организацией процессов производства и воспроизводства витальных ресурсов человеческих тел. Другими словами, речь идет о двух ведущих установках жизни — питании и размножении [1, 2] — положенных в качестве основных цементирующих институциональную иерархию природных начал. Именно благодаря манипулированию с ними, составляющему и форму, и единственное содержание властно-управленческих действий, цивилизация со временем приобретает тот «завершенный» иерархический вид, по которому она так легко обнаруживается сегодня.

Осуществляя «замес» институциональных сценариев развития социума на наиболее доступных для социализации бессознательных биотических установках, власть в полном смысле слова «укореняет» себя в основах жизни. В то же время, пролонгирование и дальнейшая трансформация социальных практик посредством структурирования и ужесточения контроля за питанием и размножением,

составляющих суть как отдельных реформ, так и социального прогресса в целом, позволяет государству со временем превратиться в монопольный, консервирующий, бессознательный способ организации жизни как на собственно человеческом уровне, так и во всем доступном на тот или иной момент ассортименте естественных природных сред.

Кстати говоря, именно эти биотические функции живых организмов выступают для власти индикаторами и надежными критериями присутствия «жизни» как таковой, то есть объекта для властного воздействия/манипулирования. Таким образом, формируются способы подмены и отождествления психической и биотической реальности с определенными моделями управления социумом как институционально-виртуальной психической реальностью, «успешно» замещающей «родительское» психобиотическое целое.

Подобная практика, оформленная и закреплённая в виде определенной модели психической реальности, становится основой для широкомасштабного социального строительства, на фоне которого, со временем, начинают все более четко проступать контуры разрушающейся человеческой души и деградирующего тела. Но эти процессы не становятся предметом социальных представлений обывателя именно потому, что властное воздействие на индивида имеет необычайно плотный и чрезвычайно интенсивный характер, а потому ему чаще всего бывает просто не до рефлексии над условиями своего социального бытия.

Более того, анализ истории человеческой цивилизации в контексте психобиотических детерминант сублимации и вытеснения, позволяет сделать недвусмысленный вывод о том, что именно они и выступают для каждой конкретной цивилизации пресловутыми «пределами роста». С одной стороны, они обуславливают содержание и длительность «активной» фазы социального/институционального строительства, поскольку являются его единственно возможной ресурсной базой.

С другой стороны, эти «естественные» ограничения связываются с индивидуальными человеческими возможностями поддержания подобной институциональной практики в границах властной эксплуатации частного психического «надела». Это напрямую ставит обывателя перед реальностью эскалации телесных болезней, экзистенциальных страданий и, наконец, смерти как естественного протеста против всеобщего насилия над Жизнью, обернувшегося фатальной утратой бытия, проинтерпретированного в контексте работоспособности индивида.

Есть и еще третий момент, связанный с детерминацией всех без исключения социальных процессов родовым опытом, содержащимся и активизирующимся в недрах коллективного бессознательного. Именно его наличие все еще позволяет человечеству на протяжении многовековой истории цивилизации поддерживать в социальном пространстве практически неизменной архетипическую меру осознанного и неосознанного. Это является

естественным, имагинативным регулятором возможности и допустимости искусственного вмешательства примитивного в своих представлениях о Жизни социума в священные горизонты бытия Природы. Может поэтому социальная история человечества составлена из официальных хроник рождающихся и умирающих цивилизаций, закат которых всякий раз свидетельствует об том, что любя из них рано или поздно истощивает естественную меру насилия над душой и телом человека.

Примечательно и то, как современная цивилизация, поднатюп за время многовековой практики, бесцеремонно вторгается во все возможные сферы жизнедеятельности человека, начиная от собственно производства как института отоваривания «львиной доли» его витальной активности и заканчивая стремлением контролировать течение самых интимных жизненных процессов индивида. Это вмешательство преследует одну единственную цель: обеспечить тотальное патронирование возрастной, институциональной и иных возможных видов социальной мобильности обывателя.

То есть консервирующая, бессознательная по своему характеру коммуникация власти с обывателем должна быть настолько всеобъемлющей, чтобы не оставлять ему ни одной части индивидуального/социального пространства, в которой бы явно или закамуфлировано не обнаруживалось ее знаковое присутствие. Государство хорошо «научилось» преследовать индивида не только в дисциплинарных пространствах заводов, фабрик и офисов в соответствии с нормами трудовых кодексов и идеалами производственной необходимости, принуждая его к перманентной реставрации и совершенствованию действующей модели социального управления на уровне профессионально-оформленного имаго-комплекса индивидуальных бессознательных реакций/рефлексов.

Но, даже покидая производственные дисциплинарные пространства и окунаясь в «стихию» неофициальных институтов, он оказывается под куда более массивным прессингом, по сравнению с тем, который испытывал на работе. Диктатура должностных инструкций мобилизует индивида на эффективное выполнение своих производственных функций, что позволяет создать растянутую во времени, пространстве и распределенную по отраслям хозяйственной деятельности иллюзию творческой «осознанности» и «разумности» тех действий, которые предпринимает работник. В определенном смысле можно говорить о тождестве официального и «сознательного» поскольку, осуществляя исключительно в рамках производства социально востребованную и институционально апробированную деятельность, индивид выступает носителем и реализатором общезначимых целей и задач.

Но есть еще один аспект, позволяющий прояснить статус бессознательных мотивов, которые обуславливают господство производственного принципа организации социального пространства в пределах современной цивилизации. Речь идет о

способах формального взаимодействия в рамках дисциплинарных пространств. Исполнение производственных функций, в первую очередь, предполагает определение границ социально-профессиональной компетенции с обязательным выстраиванием на этой основе параллельной государственной собственной иерархической управленческой структуры. Причем, ее наличие не только повышает самооценку сотрудников, но и позволяет каждому из них, при условии достаточного «освоения» действующей конфигурации прав/обязанностей/ответственностей определить, согласно известному выражению К. Маркса и мере своей институциональной «свободы» [11]. Именно так, поддерживается иллюзия свободы в рамках конкретного дисциплинарного пространства.

В отличие от вышеупомянутых, пространства неофициальные, или «частные», на первый взгляд, кажутся значительно более гуманными островами рыночной анархии и предпринимательского творчества. Однако стоит оговориться, что неофициальный статус этих территорий «структурирования повседневности», по выражению известного психолога Э. Берна [12], лишь подтверждает несоизмеримо более низкий уровень присущей им нормативной «осознанности», по сравнению с официальной производственностью.

Если «официальное» презентует себя посредством государственно-закрепленной в разнообразных кодексах монополии корпоративных правил и норм, то «неофициальное» выступает средой откровенного противостояния и тлеющего бессознательного конфликта между борющимися за свое доминирование социальными институтами. Кроме того, «неофициальные» социальные институты демонстрируют гораздо меньшую по сравнению с государственными меру социализированности, а вслед за этим и цивилизованности. Зачастую переходя в своих социальных контактах на методы, характерные для эпох «доправовой» криминальной дикости и «дорыночного» кланового варварства, а то и откровенно сваливаясь в пучину первозданной «борьбы за существование», эти корпорации в своей социальной практике инстинктивно во-

площают модели досоциализированного, первобытного, имагинативного взаимодействия.

При этом нельзя забывать, что сфера «неофициального», не будучи столь дисциплинарной, концентрируется вокруг принципиально нереализуемых в рамках цехов и офисов базальных интересов индивидов, связанных в том числе с половыми и трофическими проявлениями их витальности. Государство, принудительно «организуя» эту часть повседневности, получает поистине уникальную возможность добраться до индивида еще и с «непроизводительной» стороны, подвергнув массивной институциональной эмуляции соответствующие пласты индивидуального и коллективного бессознательного. Вкупе определяемое властью «курсовое» соотношение доли «официального» и «неофициального» в каждый конкретный момент социального развития, позволяет ей сформировать и воспроизводить систему, поддерживающую необходимую в данном типе социума степень консервирующей бессознательности, снабдив ее соответствующей совокупностью идеологических интерпретаций/социализаций ведущих социальных мотивов поведения индивидов.

Таким образом, любой социальный факт, явление, предмет, товар, услуга и т. д. как каждый в отдельности, так и в совокупности, выступают акторами социальной бессознательности, своеобразными «агентами влияния» власти, всякий раз активизирующимися вытесненными или сублимированными институциональными формами. Именно они определяют консервирующие, бессознательные сценарии формирования, апробации, внедрения, трансляции и эксплуатации подготовленных конфигураций социальных отношений, предназначенных для создания демократического имиджа современной сервисной цивилизации. Катастрофически уменьшающееся с каждым витком цивилизованности пространство человеческой экзистенции уступает место тотально социализированным средам, в которых в товарной форме представлена вся социально рекомендованная номенклатура интересов, потребностей, мотивов, побуждений, ценностей, норм и т. д., расположенных в зоне «шаговой доступности» от мест социального скопления индивидов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции 1–15. – СПб.: Алетейя, 1999. – 278 с.
2. Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. – М.: Ренессанс, 1992. – 296 с.
3. Фрейд З. Тотем и табу / Пер. с нем. М. В. Вульфа. – СПб.: Азбука-классика, 2005. – 256 с.
4. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / Авт. вступ. стат. П. С. Гуревич. – М.: Республика, 1994. – 447 с.
5. Фромм Э. Иметь или быть? / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1990. – 336 с.
6. Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. – М.: Прогресс-Универс, 1993. – 332 с.
7. Юнг К.Г. Психология переноса. Статьи. Сборник / Пер. с англ. – М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 1997. – 304 с.
8. Юнг К.Г. Собрание сочинений. Психология бессознательно-го / Пер. с нем. – М.: Канон, 1994. – 320 с.
9. Лейбин В. Постнеклассический психоанализ: энциклопедия. – М.: АСТ Москва, 2009. – 1022 с.
10. Маленко С.А., Некита А.Г. Археология Самости: архетипические образы осуществления Человеческого и формы его социального оборотничества. – Великий Новгород: Изд-во НовГУ, 2008. – 298 с.
11. Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 1–50. – М.: Госполитиздат, Т. 1–50. – М.: Политиздат, 1955–1981. – Т. 42. – С. 41–174.
12. Берна Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. – М.: Эксмо, 2008. – 576 с.

Поступила 28.04.2010 г.